ОСНОВАНИЕ ХАРЬКОВА

СТАРИННОЕ ПРЕДАНИЕ

Да, город Харьков отличен от многих губернских городов. Взгляните на него хоть слегка, хоть со всею внимательностию; прелесть! улицы ровные, чистые, прямые, публичные здания великолепны, частные дома красивы, милы, магазины наполнены всякого рода товарами, вещами в изобилии и беспрестанно сменяющимися новейшими, изящнейшими; не успест что явиться в Петербурге, уже привезено в Харьков и продано. Училища, театр, гостиный двор, различные художественные заведения... чего в нем нет!

Сколько потребно времени пройти город вдоль, устанешь, просто устанешь, а кругом обойти его, и не говорите, чтобы можно было в один день; это же еще и без предместий. И что в нем завидно, так это то, что в нынешнем году город был, кажется, кончен совсем; крайний двор известен; на следующий год, глядишь, уже от того двора вытянулось в поле несколько улиц, выстроены домики, и — границы города изменились. Да чего? самая Основа (не забудьте, пожалуйста, об этом; нам нужно будет вспомнить), Основа уже почти соединена с городом, город вливается в нее. В сем году ходишь по городу, идешь из улицы в улицу, видишь домики, дома деревянные, не только не ветхие, но еще и не старые; зайдешь туда на другой год... батющки светы! где я?.. Все это застроено новыми, каменными, уже не домами, а палатами обширными, в два, три, четыре этажа, и все красиво, мило, и все и везде наполнено народом, везде жизнь, движение, суета... нет, именно нет во всем городе пустого, не занятого уголка. На будущее лето вырастет из земли пятьдесят домищев в несколько этажей, каждый растянется на десятках саженей, верх еще кладут, до крыши далеко, а внизу жильцы движутся, промышляют... Стало быть, нужно строиться, есть из чего строить. Стало быть, народ прибавляется, не покидают Харькова, а стекаются в него из разных мест. Стало быть, в нем жить

привольно, покойно, удобно: мастеровому, если только не сидит без работы; промышленнику, который удачно ведет свои обороты; купцу, сбывающему выгодно свой товар; где им защита и покровительство от начальства, так они туда роем летят. Классу людей, понимающих, к чему ведут науки, уж какое удобство обучать детей! из каких мест не наезжают в Харьков! Расположились прожить, пока дети окончат учение; глядишь, купили дом, остались жить у нас навсегда: покойно, уютно, неубыточно, весело... что еще нужно для безмятежной жизни?..

Посмотрите вы на этого молодца, на этого франта между городами, посмотрите на Харьков в праздничный, торжественный день, — чудо! Стук экипажей по мостовым в разных улицах, все спешат к одному пункту... экипажи что ни наилучшие; модно, блестяще, красиво; кони завидные, упряжь одна другой наряднее, светится, сияет, как жар; кучера в ямских, лихо отделанных, хватски изукрашенных кафтанах; ловкие, лихие лакеи в блестящих ливреях с аксельбантами... стоишь в сторонке, любуешься, глядя на все это; нечего похулить! Войдите в собор: пройдите через ряды купечества, степенно, важно стоящего, да какого купечества? Где случается им беседовать между собою о своих делах, там миллионы у них зауряд, а о сотнях тысячах редко и говорить приходится. Идите далее: вот вы в кругу чиновников; все в мундирах, блестяще, пышно, важно, золото, серебро, блеск; взгляните налево: дамы, девицы, всюду скромность, красота, прелесть убранства, наряды, все прилично, все со вкусом; перлы, бриллианты тут последнее дело... смотрите и не насмотритесь; любуетесь не налюбуетесь!

Все эти добрые христиане проводят день всякий по своему состоянию, дружно, согласно, а потому и приятно. В одном доме двадцать, в другом тридцать, пятьдесят обедают. Везде роскошь, изобилие! Лучшие яства, вина, сочные свежие плоды, серебро, хрусталь, вазы с цветами... Говор, шутки, смех, свобода приправляют обеды. Разговоры без пересудов, хотя из обедающих больше половины дам; без сплетней; рассуждения здравые, прямые, судят, рядят о музыке, литературе, произведениях искусств; прислушиваешься... суждения точнее,

je vous assure 1, дальнее, чем в ином журнале.

Пришел вечер. Не сговаривались, не уславливались, а все опять вместе, в театре или в благородном собрании. В театре есть на что посмотреть, есть чем заняться и потом послушать хоть и не печатных, а дельных суждений. Входите в благородное собрание... зала превосходная, огромная!.. Цари хвалили ее!.. Свет, блеск, многолюдство. Чинно, пристойно, весело; в толпе вас никто не теснит, кажется, заботится о вашем спо-

Я вас запевняю (франц.) — Ред.

койствии. Поговорите с кем и о чем угодно; находите знание, образованность, сведения... Взгляните на прекрасный пол, сидящий на возвышении в ожидании бала. А? Что скажете? Цветник, сударь, да еще какой! Отличных, прелестных, цветочек к цветочку подобранных, благоуханных, ароматных... ну, не приберу слов; голова отупела, гляжу, любуюсь и... Наряды, убранство, ловкость во всем; все у места, грациозно, лучше нельзя придумать. Поговоривши с молодыми людьми, вас окружавшими, вы приятно провели время, насладились дельным разговором. Подойдя к цветнику, любуетесь; вот студенты, чиновники... О чем вам угодно будет поговорить, о литературе русской, французской, о музыке немецкой, итальянской, о композиторах... суд здравый, толковый, французский язык правильный, выговор чистый... Столица, право слово, столица!..

Музыка гремит, кадрили, вальсы, мазурки, все идет своим порядком. Везде грация, ловкость, пристойность, в парных разговорах острота, любезность, немножко кокетства, столь прелестного в прелестных, необходимого в милых... глядишь...

и узелок завязался...

Вообще видите стройность, образованность, пышность без чванства, хлебосольство, радушие, вкус, здравое суждение,

умение жить...

Смешон мне наш Харьков!.. Как он упитался, как он распространился, как он разукрасился! Привлек к себе иногоролних торговых гостей, ворочающих миллионами, вкоренил учение высшим наукам, сам принарядился, расфрантился, шаркает по-европейски, отплясывает французские кадрили, погуливает на многолюдных ярмарках, припасает самое лучшее из наилучшего, любезничает с дамами, не наговорится о премудрости, чванится далекою о себе славою, гордится перед своими братьями, не дает никому ступить себе на ногу, поглядывает только, как и старшие его братья шапки пред ним снимают, а сам, заломя голову, руки по столичному заложа в карманы, думает, что он и в самом деле фря какой!.. Эх, голубчик ты мой! Ну что, как я расскажу про твое рождение, как ты рос и мужал? Каков был ты вначале и каков теперь - сравнить, так просто умора! Был так себе, ничего, даже и в простые городишки не норовился, а глядишь, как счастие послужило?

Не угодно ли послушать истинной правды?

В древнем русском городе Киеве, стонавшем под игом польского владычества, хозяин одного дома, окончивший службу и живший на свободе, по прозванию пан Ясенковский, 1604 года, июня в 13-й день, отобедав вкусно и, по обычаю благочестивых предков, соснувши порядочно, к вечеру, когда свалил

жар солнечный, вышел на крыльцо, сел на стул, думал о сём, о том и — кто его знает, — о чем он не передумал! Далее, как следует, зевнул раз-другой-пятый... вдруг слышит, кто-то ударил в кольцо... хозяин приказал прислуге узнать, кто у калитки и какое имеет к нему дело? Спросивший донес, что это подъехал на телеге какой-то больной старичок и с ним мальчик-дитя. Больной-де просит Христа ради впустить его во двор и не дать ему середи улицы умерегь... «Христа ради? — вскликиул хозяин. — Скорее отвори ворота, пусть въезжает».

Хозяйский прислужник ввел лощадь с телегою. Слабый, больной, едва движущийся старик лежал, протянувшись в пустой телеге. Подле него сидел мальчик семи-восьми лет, необыкновенно красивый. Голубые глазки его даже помутилися от слез, беленькое личико загорело от солнца, платье на нем... лохмотья, ноги босиком.

Хозяин подошел к старику, начал расспрашивать, кто он,

из каких мест и куда господь его несет?..

 Мой путь... короток, — едва мог проговорить старик и потом, собираясь с силами, продолжал: — Путь кончен... в мо-

гилу... накормите дитя... целый день не кушал...

И уже хозяйка с дочерью выхватили мальчика, повели его в дом, поспешили накормить, потом умыли, причесали, нашли сколько-нибудь пристойное платьице, сапожки... мальчика ничто не занимало, он каким-то смещанным наречием

просил, чтобы его отпустили к Агафону.

Старика уже внесли в особую избу и привели к нему мальчика. Во все время его отсутствия старик заметно беспокоился и все посматривал кругом, но когда увидел его близ себя и уже приодетого, вздохнул свободно и силился что-то сказать, но, выговорив: «Бог вам...», ослабел, замолчал и вскоре уснул.

Хозяева увели мальчика к себе, ласкали его, а более всех любовалася им панна, хозяйская дочь, девушка лет семна.

днати. Она завладела им совершенно.

Как тебя зовут, душка? — спрашивала она его.

— Андрей.

- А панотца твоего, батюшку, как зовут?

— Батюшка.— А еще как?

- Никак больше.
- Где он?
- Поехал.Кула?
- Куда?
- Не знаю.
- А этот Агафон, кто он такой?
- Он наш.
- Он взял тебя от батюшки?

— Нет, батюшка велел ему со мною уйти, а Агафон купил лошадь да привез меня к вам, в Киев. Меня одного, а Гриши уже не было.

— А кто же этот Гриша?

- Кто? А как же? брат мой.

- Где же он?

У тетушки. Вот-то уж верно забудет совсем по-русски!

Кто же тетушка твоя и где она живет?

— Еще дальше того города, где мы жили; а я не знаю ничего, хоть и не спрашивайте. Спросите у Агафона. О! он все знает. И какие сказки умеет рассказывать. Как я был еще маленький, так он много мне их говорил. А Гриша, бывало, тотчас уснет.

И из таких коротких ответов не все можно было понять,

потому что он в них вмешивал немецкие слова.

Агафон же был так слаб, что его не смели беспокоить расспросами. В дороге и подъезжая к Киеву, он преодолевал болезнь и напрягал силы, чтобы добраться до города; а когда уже нашел пристанище, то бодрость и напряженные последние силы оставили его, и он к вечеру впал в бесчувствие.

Поутру он казался крепче и свежее; на расспросы пана

Ясенковского отвечал:

— Не смогу еще всего порядком рассказать; много-много нам горя было!.. Даст бог, укреплюся еще маленько, должен вам все открыть, чтоб вместе отыскивать боярина моего... Приголубьте сироту... дитя боярское...

Отдохни, старик! Тебе тяжело говорить. Будешь покой-

нее, пришли за мною, мне хочется все знать.

— Что могу, расскажу... Нужно бы и боярина отыскивать... коли смерть не свяжет... Ох, бедный боярин!..— и старик замолк, утирая слезы.

Пан Ясенковский оставил его, чтобы он не изнурил себя

рассказами.

Еще настал день, но старик видимо слабел... К вечеру спросил священника и примолвил: «Но нашего... нашего, православного... святого закона. Благодарю бога, что кости мои не останутся в неверной земле, а лягут в богоспасаемом граде!..»

Из ближнего монастыря призван был духовник, но, по слабости больного, исповедь была краткая, и он, приобщившись св. тайн, призвал пана Ясенковского и с большим уси-

лием сказал:

— Умираю, батюшка!.. Не оставьте сироты!.. Боярин... скоро будет в Киеве... коли благополучен... Спросите в Лавре... у отца... забыл. Здесь (положив руку на свои рубища) цепь... гривна... крест... в опале он... бумаги... господи! я верный раб... сохранил... — далее из слов его не можно было ничего понять... потом затих и скончался.

В рубище, бывшем на нем при приезде к пану Ясенковскому, найдены зашитыми в полах и рукавах золотых и серебряных, разных цен, пятьдесят шесть монет; также золотой крест, длинная цепь чистого золота русской работы. Гривны же и бумаг, о коих упоминал Агафон, вовсе не было. Находили места, где было зашиваемо нечто большое, но как Агафонова одежда была ветха, то зашитое прорывало платье. Старик перешивал в другое место, и легко случиться могло, что из последнего места все сохраненное, также протерши рубище, выпало где-нибудь в дороге, и Агафон в слабости от болезни не почувствовал и не хватился, а умирая, полагал, что все при нем.

Взвесивши цель, пан Ясенковский с духовником записали вес ее и число монет, сложили все это в один ящик с описанием, при каком случае все это найдено, запечатали общими печатями, и пан принял на свое сохранение. Крест же, как, видимо, данный ребенку при крещении, тут же повесили на

маленького Андрея.

На этом кресте длиною в вершок и довольно полновесном с одной стороны изображено было распятие, отличной заморской работы, а на другой стороне вырезаны были русские, церковные слова под титлами, но только так неясно и без разделения слова от слова, что видимо было, что их вырезывал не знающий русского языка и копировал из написанного. Почти все буквы были исковерканы, некоторые уподоблялись немецким, даже были вместо букв произвольные фигуры; не означающие ничего. Вот что ясно прочесть можно было:

...раба Божия, боярина Московс... с... Афанас... сын Андрей, родился в лет... 7102 Ноемвр... в 24 д... в Риге

Верного раба божия и усердного слугу боярского Агафона похоронили по приличию. Малютка Андрей, чувствуя свое положение, плакал неутешно. Потом убедительно просил пана Ясенковского «пойти в Киев, отыскать отца и Гришу и привести их к нему».

Пан Ясенковский, сколько мог, объяснил ему, что, не знавши вовсе, кто отец его, где он находится, невозможно делать розысков. Чтобы чем рассеять его, сделано было для него новое, панское платье. Заметили, что он как будто любу-

ется им.

Андрей! — спросил его пан Ясенковский. — Скажи мне,

у тебя никогда не было такого нарядного платья?

— О, как же! — отвечал он. — У нас с Гришею многомного платьев гораздо лучше этого. А теперь я радуюсь, что оно лучше того, которое дали вы мне, как приехал я к вам. А в каком я приехал... так и не показывайте мне. Да это Агафон нарочно вздел на меня такое и сам надел лохмотья. Заметили, что малютка одарен был умом и чувствительным сердцем, делался живее и развязнее, и пан Ясенковский стал выспрашивать его, где он прежде жил и с кем, что помнит

из детства своего, и вот что Андрей рассказывал:

— У меня были батюшка, матушка, Агафон, Василиса, да еще... ну, да те были недобрые ко мне, портили мои игрушки и частенько обижали меня. Я раз пожаловался на них батюшке, но как он их выдрал за уши и таки порядочно да грозил, что вперед и не так накажет, так мне стало их жаль, и после того, что бы они мне ни сделали, как бы ни досадили, я уже молчал; а они тут-то еще больше меня обижали. Жаль было и батюшку огорчать; он был всегда печальный, а особливо как получил письмо: уж он его читал перечитывал, плакал горько и целовал письмо... Верно, оно было святое?.. С матушкою часто, бывало, говорят о Москве, и тут-то батюшка горько-горько плакал!

Однажды он проговорил: «О Москва, Москва! полетел бы к тебе!» Меня это очень испугало. Гриша был еще маленький, он не мог понять этого, ему ни до чего нужды не было, все с своими игрушками... Как сказал батюшка, что полетел бы в Москву, так я и начал бояться, чтоб он и в самом деле не полетел, и все, бывало, примечаю за ним; куда он ни пойдет, а я за ним да и смотрю, не собирается ли он лететь... не

смейтесь же; мне жаль было бы расстаться с ним!

Раз мы спали... вдруг нас схватывают, уносят... и повезли. Тут мы и начали жить не в том городе, а в другом: там уже было немножко домов. Гриша говорил семь, но, право, меньше; он еще не умел считать; а было всех десять домов. Да какие же смешные дома! Маленькие, тесные; в таком и мы жили. Батюшка не выходил никуда, все в запертой комнате сидел. Да не можно ему было никуда выйти; он такой высокий, а двери низенькие; как идет из комнаты в комнату, то и наклоняется Вдруг матушка наша умерла. Она много плакала тихонько от батюшки, видевши, что он запрячется особо, и плачет, и все о Москве вспоминает. А как жаль, что матушка умерла! Она уже было начинала говорить по-русски; а то всегда говорила с батюшкою и с нами по-немецки. И какая она была!.. Что она мне говорит, я все понимаю, а она меня вовсе не понимает. Толкую, толкую, а она и ничего. Батюшка все понимал по-русски, и с нами говорил и няне Василисе и Агафону приказывал говорить с нами по-русски; а как им иначе и говорить? они только и знали по-немецки, что несколько слов. Сначала, как умерла матушка, я не очень плакал; как же опускали ее в землю, и батюшка плакал навзрыд и целовал матушку, даже и тот, в черном, что много читал над нею, так и тот плакал, тут уж и я плакал много, увидевши. что матушку спрятали, и она уже не будет с нами, не будет нас голубить и целовать!..

Андрей утер крупные слезы и продолжал:

— А Гриша, так тот все плакал да будил матушку, чтобы встала и кончила чулочки, что начала вязать для него. Он, знаете, был тогда маленький и не понимал, что как умрешь, так уже не встанешь. Много-много плакал я за матушкою!.. Батюшка любил меня и целовал много, да все как-то не так, как матушка.

Долго, не знаю, сколько дней, мы уже жили без матушки. Уж и Василиса умерла,— говорили, чрез два года после матушки. Батюшка еще чаще плакал и уже говорил: «Не хочу в Москву, здесь умру. Ты, Агафон, отвезешь их к Борису. Отдаст им все, хорошо; но уж не загубит; а здесь что делать мне с ними? Подрастают, как их устроить?» Да и в самом деле, я после матушки вырос порядочно, не знаю, как Гриша, потому что когда матушку спрятали в землю, так его взяла к себе наша тетушка, такая добрая!

Батюшка уже выходил и уезжал от нас часто. Как-то в один вечер приехал, да такой печальный... позвал Агафона к себе и что-то ему шепотом говорил. Тот как зарыдает да так и упал к ногам батюшки и, слышно мне, просит: «Не губи, говорит, кормилец, души своей, не иди на явную смерть, грех! А убийцею станешь, такой же смертельный грех!» Батюшка все приказывал ему: «Когда что утром услышишь обо мне, так тотчас возьми здесь, что есть нашего, и Андрея, заезжай за Григорием к сестре и вези их в Москву. Я ночью заготовлю письма, отдашь в Москве, кому следует, авось доложат царю». Много-много что товорил, я слушал, слушал да и засснул.

Разбудили меня еще ночью. Батюшка схватил меня на руки, целовал-целовал... и уж как плакал!.. Все говорил: «Бедные сироты! Бог вас не оставит!» Потом сказал: «Слушай, Андрей, и помни, что я буду говорить, никогда не забудь. Благословляю тебя, сын мой! Отец небесный да благословит вас!.. Увидишь брата, положи ему руку вот так на голову и скажи: «Брат! приими родительское благословение!» Я это очень помню. После этого батюшка взял саблю, да такую большую! — и скоро ношел куда-то. Оставшись один, я все твердил батюшкины слова, что сказать Грише, а Агафон — он уже один у нас и был — так он все стоял пред

образом, да клал поклоны, и горько плакал. Уже был день; Агафон спешил укладываться, как вбегает батюшка, бледный-бледный, как вот бумага, и закричал: «Агафон! я убил его!.. меня схватят!.. Кинь все. Бери Андрея и, как знаешь, пробирайся к Киеву. Там я вас найду. Гришу вышлю к вам. Скорее спасайся; скоро придут. Не найдя меня, будут мстить детям. И в дороге старайся, чтоб не узнали тебя».

Сказав это, расцеловал меня, облил слезами и скрылся,

закричав: «Найду вас в Киеве!»

Агафон только что успел схватить руку его и поцеловал, горько рыдая. Потом достал какую-то шкатулку, взял ее и повел меня за руку. Шли мы не по дороге, и я скоро устал. Агафон понес меня, и как ни стар, а шел скоро и дошел до леса. Вошедши в густоту леса, упал и стал точно недвижим; так истомился, идучи скоро и еще меня неся на руках. Я был голоден и жаловался о том Агафону, а он просил меня какнибудь потерпеть, потому что прежде вечера не можно выйти из леса.

Перед вечером он раздел меня и сам также снял с себя платье и зарыл все это с шкатулкою в землю; потом взял меня почти в одной рубашонке, как и сам был, и повел из леса. Скоро мы пришли в какой-то город, также небольшой. Тут он начал выпрашивать у живущих там людей платья для нас и рассказывал - да как смешно: слово по-немецки, другое порусски, а чего не поймут слушающие, так он руками размахивает; и наговорил им, что будто нас ограбили разбойники. А это вовсе была неправда. Это он хотел только одурачить их, а те и поверили, надавали нам платьинков дрянных, вот в которых я приехал к вам. Нужды нет, что было все старое и дырявое, мы оделись в него. Агафон все просил меня не вмешиваться в его рассказы и не смеяться, потому что я, глядя на него и на себя, так и готов был расхохотаться. Тут же, в этом городе, мы и переночевали, а на другой день пошли в тот лес, где было спрятано наше платье.

Какой же хитрый Агафон, так вы не поверите! Ни мне не дал, ни сам не вздел прежнего платья, а все это распорол и увязал в узел да и повесил на себя. Шкатулку разбил, достал длинную золотую цень, большой талер, что ли, весь золотой, кучу денег и бумаги. Все это, также и вот этот крест, снял с меня и зашил по частям в свое лохмотье. Так мы и пошли. Придем в какой город, большой или маленький, он и продаст тут один лоскут, а прочих и не показывает; да на те деньги купит хлеба и чего нужно, накормит меня. Видевши, что я устаю и ему тяжело меня нести, он достал из лохмотья денег и в одном городе купил телегу и вот эту лошаль, что нас привезла к вам. А знаете, какая она ленивая? Насилу везла нас.

Вот мы долго ехали — и что же делал Агафон? Как приехали, где уже немцев нет, а все русские и всякие люди, тут он, как повстречается с едущими или идущими, что много народу, а особливо солдат, тут он соскочит с телеги да и начнет просить милостыни, да так жалко, что я хохочу себе тихопько. Нам же никто ничего не давал. «Нужды нет, — говорит, бывало, Агафон, — пусть и не дают ничего, да думают, что мы бедные, да только бы нас не ограбили и не взяли бы

твоего сокровища».

Долго мы ехали, и мне очень наскучило. Все думаю: «Когда мы приедем в этот далекий Киев и я увижу батюшку и Гришу? Сколько расскажу брату диковинок, что видел по до-

pore!»

Уже Агафон говорил, что скоро приедем в Киев, как он и заболел!.. Через силу, бывало, впряжет лошадь и взлезет в телегу, а правлю все больше я. Я выучился править и знаю, куда направо и налево поворотить. А вот уже последнюю ночь, недалеко от этого Киева, так Агафон не мог и с места встать. Хозяин его уложил и лошадь нам запряг, мы и поехали. Въехали в Киев, Агафон мне и говорит: «Теперь, Андрюша, куда тебе бог укажет, туда и просись во двор, а я не могу слова вымолвить». Вот я еду улицею, где мне понравится, я слезу с телеги, ударю в кольцо, выйдут, спросят и, узнавши, что больной старик и бедный мальчик, запрут калитку и, хоть расстучись, будто и не слышит никто. Так я провез Агафона долго, нигде не впустили, насилу вот уже вы приняли нас.

Так в продолжение нескольких дней пересказывал маленький Андрей по частям свою историю. В рассказ свой он вмешивал много слов немецких или русские коверкал на немецкий лад; из чего можно было ясно видеть, что он во все время был с немцами.

— Родился в Риге, как сказано на кресте, — рассуждал пан Ясенковский, — так оно и не мудрено. Скажи ты мне, как Агафон называл тебя по отечеству или как звали батюшку твоего? Почему же на кресте написано как будто Афанасием?

А кто его знает. Батюшку иначе не звали как боярин,
 а меня Андрюшею, а бумаги, нужные для меня, Агафон в

болезни потерял.

- Думаю так и написать его «Афанасиевым», сходно с надписью на кресте. Как думаете? — спросил пан у своей жены.
- Зачем такое прозвание давать? сказала тут же бывшая на совете дочь их, принимавшая большое участие в маленьком Андрее.— То имя отца его, а хлопчик такий гарный, дуже красивый, я уже прозвала его Квиткою 1. Именно як квитка.
- Ну, ладно. Пусть будет Андрей Афанасьевич Квитка, пока отыщется его отец... А где и как мне его отыскивать? Спросить, сказывал Агафон умирая, в Лавре у отца, а у какого? Кто его знает, не сказал. Мало ли там отцов!

Принимая однако же большое участие в судьбе маленького Андрея, пошел в Лавру, но ни от кого не мог ничего узнать. Если бы кто из монашествующих и имел сношения с русским

¹ Цветок.

боярином, хотя бы и опальным, изгнанным из отечества, а потому и сношения тайные, открыл ли бы он человеку постороннему, да еще и киевлянину, быть может, подосланному от польского начальства выведать о местопребывании изгнанника? И потому пан Ясенковский ничего не узнал от лаврских монахов. Далее разыскивать не было никакого повода.

 Нечего делать, — размысливши все, пан Ясенковский сказал, — объявлю воеводе, но поступлю осторожно, не открою

всего. И без поляка бог сироту взыщет.

— Добже! — сказал пузатый воевода, выслушавший от пана Ясенковского, что маленького Андрея привез к нему во двор какой-то старик из Риги и вскоре умер, объявив, что Андрей — урожденный московский шляхтич и что отец его скоро приедет за ним; о дальнейших подробностях он решился умолчать. — Добже. Нех хлопец зостанется при моей яснейшей особе. Подай его сюда.

Гарный хлопец! — сказал воевода, увидев введенного

к нему Андрея. - Як кличут его?

 Андрей, а прозвание неизвестно. За пригожество его мы назвали его Квиткою, бо точный цветок,— сказал пан Ясенковский.

- Добже, нех бендзе Квитка. Буде у мене гарный ловчий.
- Докладал есм яснейшему пану воеводе, что он прирожденный шляхтич.

— Шляхтич,— вскрикнул воевода,— то московский шляхтич, а поляцкий кеп. Мам таких шляхтичей десентками пши конях, пши псах.

Прискорбно было пану Ясенковскому оставлять Андрея в таких руках, но иначе невозможно было; утаить пред воеводою о привозе мальчика он, по тогдашнему порядку, не должен был, власть воеводы во всем была неограниченна. «Притом же,— думал он,— отец Андреев, прибыв в Киев, скорее всего у воеводы будет стараться узнать о сыне своем».

Маленький Андрей за ловкость и понятливость свою точно поступил бы в псари яснейшего воеводы киевского, и какая

была бы участь его?!

Но промысел, пекущийся о всех и еще более о сиротах, ведет их к счастию не испытанными для нас судьбами! Воевода рассудил похвалиться о знайденном хлопце коханой своей супруге, а она была русская, урожденная киевлянка.

Не мудрено, что щирый поляк и воевода киевский женился на русской; достоинства девушки заглушили в нем национальную антипатию против москалей и всего рода их; ему также не было нужды, что она была иноверка и не уважала его ксендзов: «нех молится, як хце, жеби тилко кохала мене». Но странно то, что русская, урожденная шляхтянка, правоверная, вышла замуж за еретика, католика, нечестивца!.. Ведность, обстоятельства, власть родителей до чего иногда доводят беззащитных девушек?! — но пани воеводова умом и красотою своею умела взять верх над супругом своим и хотя редко, только уже при необыкновенном случае вмешиваясь в управление города и области, удерживала воеволу от притеснений русских, которых он готов был и безвинно угнетать. Не многого труда стоило ей вытребовать, чтобы дочь ее, Марья, была окрещена и воспитана в греческом законе. «Як себе хцеш! — говорил воевода. — Ксензд, поп, все то есть едино. Тылько и лепско у нас, что органы. Кеды заиграют, меня клонит ко сну; а с ващими дяками, як заспевают, так и не думай в церкве ващой вздремать».

Так она-то, пани воеводова, когда привели к ней Андрея, потребовала, чтобы оставить его при ней для услуги и потехи трехлетней Маси. Воевода махнул рукою и сказал свое

обычное: «Як хцеш», — поехал на полеванье.

Пани воеводова полюбила маленького Андрея, не отпускала его от себя и ласкала его одинаково с своею Масею. Андрей чувствовал все это, был кроток, смирен, почтителен к пани воеводовой, а от Маси не отходил. Скоро девочка ни с кем не хотела играть более, как с Квиткою, с ним была неразлучна целый день, играла, бегала, резвилася, ела все с ним и не засыпала иначе, как под его ласки и рассказы. Она и все в доме иначе не звали его, как «Квитка».

Ласкаясь к пани воеводовой, почти всегда просил маленький Квитка приказать разведать, не приехал ли в Киев отец его с Гришею, как обещал умершему Агафону. Сначала она оставляла такие просьбы его без внимания, но, наконец, любопытство заставило ее разведать о всем, касающемся к нему, пообстоятельнее. Пригласив пана Ясенковского, расспросила о всем в подробности, выслушала рассказ любимца своего, осмотрела со вниманием крест на нем и утвердилась в мысли, что Андрей — сын боярина московского, впавшего в опалу, конечно, в грозное правление Иоанна или гонимого Годуновым, бежавшего к литовцам, там женившегося и имевшего сына, этого Андрея, и другого, Григория, как рассказывал Андрей. Но прозвание боярина старик не успел объяснить, а из надписи на кресте понять вовсе не можно было. Он обещался приехать в Киев и отыскать сына: но как он отыщет его и как разведать о приезде человека, скрывающем звание и имя свое? «Да будет над сиротою воля божия! заключила она. - По крайней мере, сколько мне известно, я по возможности моей так буду вести его».

Заметив в Квитке ум и способности, она поручила его известному ученому мужу обучать его правилам веры и что нужно знать благородному человеку, и он учился прилежно, услехи видимы были к обрадованию пани воеводовой. Сколько же стоило малютке Масе слез в первые дни, когда она

должна была отпускать по утрам своего Квитку к учителю! Далее котя и не плакала уже, но все с большею грустью провожала, тосковала целый день и, бросив все свои занятия, к вечеру выбегала из дома и нетерпеливо ожидала прихода своего товарища в играх. Квитка приходил всегда к ночи домой.

По привязанности пани воеводовой к Квитке она сблизилась с семейством пана Ясенковского и дочь их, Софию, часто оставляла гостить у себя. София утешалась успехами в науках и в образовании Квитки, тщеславилась, что она, сама она, придумала ему такое приличное прозвание, признанное всеми и усвоенное им. С одинаковым жаром она при-

нимала участие во всем, касающемся любимца ее.

Так все шло да шло. Квитка учился, вырос и стал юношею умным, скромным, ловким, образованным и - красивым. Мася играла, резвилась, росла и стала девицею умненькою, скромною, ловкою и - миленькою. Они всегда были вместе, с детства знали, что любят друг друга, и не повторяли о том, когда уже достигли тех лет, что и надобно было бы высказать все, что было на сердце у них. Это не было для них тайною. Но кто-то как будто шепнул им, что при [Софье], при пани воеводовой и при других людях надобно быть скромными - и они были скромны, говорили друг с другом свободно; а если и взглядывались, то очень просто; но лишь оставались вдвоем, не находили, о чем говорить, только, взявшись за руки, пожимали их, смотрели один другому в глаза... да как смотрели!.. и - только шептали: «Мася!.. Квитка!..» Но лишь только слышали шум, тотчас расходились, как будто и ничего. Более не было никаких объяснений, клятв, уверений между ними, но твердо знали, что один без другого жить не может.

Пани воеводова, хотя и не читывала романов, но очень хорошо понимала, что может выйти из такого свободного обращения юноши с девицею, но она как будто и не примечала, да еще, уж когда товорить правду, так чуть ли и не желала такого союза. Она надеялась, что когда же нибудь с отца Квитки при перемене правления снимут опалу, возвратят ему его отчины; что он отыщет сына... и тогда единственная радость ее, ее Мася, будет богата, знатна, счастлива и, более всего, не будет за каким-нибудь поляком. Можно догадываться, что так думала и предполагала она, потому что когда дети, не замечая никого, говорили между полусловами, переглядывалися полуваглядами, тогда мать с довольною улыбкою посматривала на Софию, хотя и замужем уже бывшую, но все часто гостившую у нее; потом они, уединясь, говорили между собою что-то весело и с удовольствием поглядывали на свычку детей.

Пан воевода озабочен был управлением областию. Добже кушал, много пил и сладко почивал, а до того, что делалось в доме, в семействе, ему не было нужды. «Кебы била здрова моя кохана пани и цурка, а дале нех дзябли озьмут».

 – Мася! я должен ехать в Москву, – сказал в один вечер Квитка, быв наедине с нею и держа ее за руку; но ска-

зал это так жалко, печально...

- В Москву!..— вскрикнула она, как будто внезапно услышала страшный удар грома над собою. Оба бледные, трепещущие, держась за руки, не могут выговорить ни слова. Наконец, Мася жалобно проговорилась: «Возьми и меня с собою...»
  - Не могу, Мася!

— Отчего же?

- Ты панна воеводовна, дочь гордого богатого отца, а я кто?!.
- Ты избранный мною, милее мне всего света, солнца, жизнь души моей,— этого довольно для матери; а для моего

отца ты сын московского боярина.

— Кто он, где он — кто может сказать? Без рода, без племени, без имени!.. Еду в Москву, буду служить царю, заслужу внимание его, милость ко мне. Он спросит, кто я, покажу ему крест... признают меня, отыщется отец... тогда буду, чем мне быть должно, тогда приеду к твоему отцу. Тогда, не краснея, могу сказать ему: «Пан воевода! отдай свою дочь за сына боярина московского».

— А когда же это будет?

— Мне еще двадцать лет... по крайней мере... лет чрез пять...

— Я умру до того!..

Долго они говорили друг с другом и не знали, на что решиться. Наконец, Мася, скрепя сердце, сказала дрожащим голосом:

— Бог с тобою, мой милый, мой коханый Квитка! Поезжай с богом!.. Я не умру без тебя... буду расти, учиться хозяйству... переживают люди и целый век горя, а пять лет,

и потом вечное счастье? Готова терпеть!..

Пани София была поверенною любви их. И она одобрила намерение Квитки. Нашла случай умножить маленькую сумму, сохраненную Агафоном и после смерти родителей ее хранившуюся у нее, подала советы, как действовать Андрею в Москве, обещала утешать Масю, и вот... уже назначен был день тайного отъезда Квитки; пани воеводова, будто ничего не подозревая, более и более ласкала Квитку и, может быть, не она ли вручила пани Софие деньги, необходимые для Квитки.

После непродолжительной болезни умирает пани воеводова. Положение наших молодых людей изменилось во всем. Они

уже не только не бывают вместе, но и не видят друг друга. «Пестунчика моей коханой жоны возьме до псов; нех не ест даром хлеба, нех бендзе ловчий. Я устрою его счастие»,— повелевал ясно пузатый воевода, и Квитка должен был переселиться из воеводского замка за город, где помещена была вся охота пана воеводы.

Он не остался бы и часа служить поляку, хотя и отцу своей Маси; он располагал в ту же ночь оставить Киев и пробраться в Москву, но пани София умолила его остаться, переносить все для любви к Масе и дожидать, не поблаго-

приятствует ли им случай к достижению их цели.

Пани София умела войти к воеводе в неограниченную доверенность. Правду сказать, он еще и рад был, что избавлялся от забот о своей *цурке*: было кому разделять с ней время и иметь о ней попечение. Потому-то пани София часто гостила у Маси, а еще чаще брала ее к себе, и там-то виделись любовники, рассуждали о своей будущности и ни на

что не решались.

Прибыл в Киев из Кракова какой-то знатный сановних, старик лет пятидесяти. Пан воевода рассыпался пред ним, угощал его, как мог. Пану приезжему полюбилась Мася, и за келюшком венгерского положено на слове: панну воеводовну выдать за пана приезжего; а как ему не можно было долго прожить в Киеве, то тен час справить свадьбу. Спешили с приготовлениями и таили все от Маси, думая внезапно обрадовать ее такою блестящею долею. Но как скрыть в многолюдной дворне все приготовления и распоряжения к такому празднеству! Мася о своей доле узнала тот же час... и упала на грудь пани Софии, заливаясь слезами, спрашивала, что ей делать?

Пани София приступила действовать решительно. Нашла случай, под предлогом шитья платьев и прочего к свадьбе, оставить Масю у себя переночевать. Призвала Квитку, соеди-

нила руки их, благословила и сказала:

— Ты, Андрей, любимец мой с первого часа, когда бог привел тебя в дом наш, родители мои приняли тебя, и я, давшая тебе прозвание, обязана вместо их пещись о твоем счастьи. В эту торжественную минуту объявляю вам, что мать Маси желала вашего союза, и я именем ее благословляю вас, и вот мое поручение. Масю наряди мальчиком, и в этот же вечер выйдете из Киева; в первом селении обвенчаетесь; далее да благословит бог путь ваш и да будет над вами воля его! Скрывайтесь, оставляйте большие проезжие дороги, погоня будет за вами, но вы ее не ожидайте скоро. В эту же ночь, пред рассветом, из моего двора поскачет бричка с двумя молодыми людьми по дороге к Вильне. Туда бросится погоня, и я беру на себя, что не скоро догонят мнимых любовников. Поймают ушедших и, увидев обман, уже бросятся

в другие стороны, а вы с помощью божиею будете далеко и вне власти раздраженного отца. С богом! Начнем действовать.

Той же ночи в Борисполе, верст тридцать пять от Киева, к рассвету в церкви теплился огонек, и священник пред алтарем призывал благословение божие на рабов его — Андрея

и Марию, ныне сочетающихся друг другу.

В то же время в Киеве пани София проснулася необыкновенно рано. Вдруг криком своим перебудила дворню... ужас объял всех!.. Панна воеводовна, расположившаяся ночевать у ней, не ложилась в постель, и нет ее в доме. Сундук пани Софии, где лежали деньги, лучшие вещи, платья, отперт, и в нем не найдено ничего... С Масею бежала Ульяна. самая ближайшая к панье и самая доверенная особа. Старик Федот, пользовавшийся особенною милостию панскою, также скрылся. Сделан всем допрос. Пани София плакала, рыдала, падала в обморок, заклинала открыть ей, если кто знает, куда и с кем бежала панна воеводовна... Никто не мог сказать ничего, никто ничего не заметил за панною... Одна из прислужниц, робея, призналась, что она подглядела, как подъехала ко двору их бричка; из нее вышел пан, не очень молодой и не так красивый; постучал в окошко, где спала панна. Скоро она вышла, а за нею Федот и Ульяна с узлами в руках, посадились и говорили между собою, что скоро будут в Вильне, там и обвенчаются.

Открывшую об этом, как знавшую про уход панны и не объявившую тотчас своей панье, тут же в наказание отправили в дальнюю деревню... Пани София после нескольких обмороков едва собралась с духом и силами явиться к пану

воеводе и объявить ему о случившейся беде...

— Цо то за пшичина? — говорил толстонузый пан воевода, зевая и протирая заспанные глаза, чтобы лучше удостовериться, точно ли он видит пред собою паню Софию. — Цо то за пшичина, кеды пани София так рано пожелала видеть мою яснейшую особу?

Рано? А это уже было к полудню. Пани София за горем и беспокойством не могла прежде приехать к воеводе. Он же, проводя всю ночь с нареченным зятем среди разных медов и столетним венгерским, не приметил, что свалился на постель уже на рассвете; оттого и полагал, что еще утро.

Пани София с слезами, вскрикиваниями едва могла объ-

яснить ему о случившемся несчастьи...

— Нех дзябли озьмуть и тебе с твоими пропавшими деньгами! — заревел неистовым голосом воевода. — Подай мне тен час мою цурку, мою Масю!.. гвалт!.. — кричал он в беспамятстве, обрывая хохол свой и страшные усы.... Весь двор встрепенулся... Большими отрядами послана погоня в разные стороны и все по направлению к Вильне...

Яснейший пан воевода с горя и досады пил — и на беду свою один: нареченный зять его, не находя нужным оставаться долее без невесты, уехал. Пани Софья заперлась у себя в доме, сказавшись сильно больною. Дней через пять привезли настигнутых беглецов в бричке... Воевода приказывал тащить их к себе... остолбенел, увидевши, что это совсем не цурка его, а просто беглецы, обокравшие барыню свою; о панне воеводовне же они вовсе ничего не знали... Воеводе до того не было нужды, и он в порыве гнева и досады, конечно, приказал бы их повесить, зачем нет с ними дочери его; но пани Софья нашла средство умилостивить его, и как все похищенное беглецами привезено в целости, то она выпросила виновных себе, дав обещание наказать их строго за такой злодейский умысел. И пани Софья, чтоб больше заставить Ульяну и Федота раскаиваться в проступке своем, жаловала и ласкала их более прежнего.

Известно стало пану воеводе, что в ту же ночь, когда скрылась Мася, ловчий его, Андрей, бежал из Киева, но куда? никто не знал. И сам воевода, и все окружающие его положили наверное, что Андрей сманил панну воеводовну: он рос с нею, так и не мудрено, что они кохалися с детства, а видя, что ее отдают за нелюба, они решились уйти, но куда? Никто не мог сказать наверное. Для этого составлялись целые отряды, чтобы бежать в Малороссию и там искать их по дороге в Москву. Тщательно списывали их приметы, писали для них пропускные виды, вписывали в них большие награды, кто схватит, откроет, задержит или представит бегленов.

Уже готовы были отряды с полными и ясными препоручениями лететь в назначенные им страны для поимки бежавшего Андрея, увезшего с собою панну воеводовну, как вот является Антон Муха, верный раб и хлоп яснейшего пана воеводы. Он с молодых лет был при Квитке для прислуги, рос вместе с ним и знал его тайны, но не смел никому открыть, потому что Андрей сгубил бы его. Теперь же мучит его совесть, что он забыл на время долг свой против такого милостивого пана и отца, як есть вельможный пан воевода. Принося ему повинную голову, Муха чистосердечно открывал, что Андрей точно жохался с панною; а чтобы она не досталась другому, убедил ее бежать с собою... «Как они перерядились, то я уже знаю и везде могу их открыть. Путь же свой направили они к Кракову, и Андрей располагал найти случай представиться найяснейшему пану крулю и просить у него ходатайства пред прогневанным паном воеводою и ващиты от русского царя. Теперь, продолжал Муха, кеды пан воевода хце, я возьму небольшой отряд, и как знаю, на какие места бежавшие пробираются, то скоро настигну их и Андрея с панною представлю яснейшему пану

воеводе, а не то, нех глава моя бендзе на плахе».

обрадовался предложению Мухи, уничтожил прежние распоряжения и, обещав Мухе неимоверные награждения, отпустил его сам-пятого с избранными самим Мухою товарищами. Только же воевода их и видел!..

Когда все это происходило в Киеве, Андрей и Мася, обвенчавшиеся в Борисполе, продолжали путь свой благополучно. Мася была переодета мальчиком, оба они были в простом крестьянском платье. Сказывались о себе различно, где как требовали обстоятельства. Хотя и неприметно было, чтобы где их подозревали по преследованиям из Киева, но из предосторожности Андрей путал свой путь: проходил несколько прямо, потом брал в сторону, обходил кругом и опять возвращался на прежнюю дорогу и к великому обрадованию своему узнавал, что от воеводы киевского не слышно никаких преследований. Он сказывался везде родом из Украины, сиротою, пустившимся с братом на заработок, пока сыщется добрый и надежный человек, что примет их навсегда.

Где он уверен был в совершенной безопасности, там останавливался на несколько дней, чтоб его милая Мася отдохнула после долгого пути. Его план был пробраться, как ни есть, в пограничный русский город и там объявить о себе. Он никак не забыл взять с собою золотой цепи и описания о приезде его в Киев, сделанном паном Ясенковским и дуковником, напутствовавшим Агафона. Крест же был всегда на нем. Поэтому он надеялся, что русские признают его за земляка, доставят случай быть в Москве, предстать пред царя; ему помогут отыскать род свой, имя, имение; а если бог благословит, что отец и брат его живы и он отыщет их, тогда... с Масею, с родными... кто будет счастливее его!..

Пробираясь таким образом, уже пришли они в селение Гадячского полка. Зима приближалась, надобно было приискать безопасное убежище. Удалось Андрею найти хутор в отдалении от сотенных местечек и большой дороги. Семьи три казаков, не обязанных уже службою и никакими повинностями по полку, проживали здесь себе покойно. К ним пристал Андрей с братом, работал за себя и за него. Нужда приучила его ко всему. Он был силен, бодр, свеж, а как Мася отнюдь не тяготилась такою жизнию и не тужила ни о чем, то он, весельчак, балагур, пел своим хозяевам разные песни, был ими любим и всеми называем был: «парень

друзяка».

В один осенний вечер Андрей, возвратясь с работы, отогревался, сидя на печке, Мася своими руками растирала его окоченевшие пальцы, говорила, мечтала о будущем... как вот

слышат за дверью, в сенях, голоса незнакомых им люлей...

— Пустите нас, сделайте милость, хоть только подивиться на них! — кричал один из незнакомых, и слышно было, что силился отворить дверь, удерживаемую хозяином.— Я их знаю; когда не они, то и бог с вами! Мы себе и пойдем далее.

Мася помертвела... Андрей схватил топор и бросился к двери... но уже вошли четыре человека, вооруженные по-ка-

зацки...

Андрей располагал защищать Масю до последней крайности; взмахнул топором... Но сильная рука удержала его...

— Бог с вами... Бог с вами; что это вы, пане, делаете?.. Вы меня не узнали? Дайте светло поближе. Я же ваш верный Муха...

— Муха! Это ты? — проговорил Андрей, изумясь такой встрече, но все не выпуская из рук топора. — Зачем ты здесь? и это кто? — спрашивал Андрей, с недоверчивостью погля-

дывая на скромно стоящих товарищей Мухи.

— Я искал вас по всей Малороссии,— сказал Муха и, уловив руку Андрееву, поцеловал несколько раз.— Благодарю бога, нашел вас сверх ожидания и что вы здоровы. А это мои верные товарищи, поклявшиеся мне вместе со мною отыскать вас и никогда не отставать от вас. Куда иголочка, туда и ниточка. А где ж панна... а може, вже и пани? Покажите нам ее, паду до ножки и поцелую полу платья ее. Покажите, возвеселите нас за нашу турбацию.

- Андрей хорошо знал честность Мухи и почти готов был ввериться ему, но товарищи его, и в таком числе, приводили

его в смущение.

— Муха, Муха! — сказал он.— Смотри, не предатель ли ты?

— Ох, боже мой! — вскричал Муха, колотя себя жилистым кулаком в грудь.— И это о Мухе так думают? И о товарищах, которых он сам выбрал и прошел с ними сквозь огонь и воду; готов был на все, чтобы только отыскать своих коханых паныча с панянкою, милых, ненаглядных Квиток. Хлопцы! — сказал он товарищам.— Нам не верят. На присягу!

Мигом один из прищедших бросился из хаты и принес в шапке земли. Другой, сотворив крестное знамение, встал на лавку, снял со стены образ Спасителя и и с благоговением положил его на стол. По знаку Мухи все положили по три земных поклона и стали на колена. Тут Муха начал произносить страшную клятву; прочие повторяли за ним, призывая все казни божие на себя и весь род свой, если они не будут шановать пана Квитку как есть прирожденного своего господина и повелителя. Если случится ему и панне его какая беда, полягти им всем, живота, последней капли крови

не пощадить, защищать их и не допустить ворогам их сде-

лать им какое насилие... и проч., и проч.

Сказавши общий аминь, целовали они образ, и потом каждый из них, взявши по горсти земли и сказавши: «Земля не потерпит клятвопреступного», съели ее и бросилися к Андрею целовать руки, полы платья его... Андрей был растроган, орошенные слезами глаза возвел к богу, в сердце своем благодарил его промысел, что сохранил его, сироту, безвестного, безродного, одного с женою скитающегося без пристанища, без надежды где-либо найти спокойствие. В таком горестном положении бог послал ему пятерых защитников, помощников, друзей!.. Он обнял каждого и сам что-то хотел сказать, но Муха вскрикнул:

- Сего мало. Давай нам панну воеводовну...

— Ее нет со мною,— сказал Андрей, сводя с печи свою Масю, уже успокоившуюся от сильного страха.— А вот моя жена!

— Панна наша!.. Мати наши!.. Да який же гарный з неи хлопчик!.. Многая лета вам, паны наши!.. Живите счастливо и любите нас.— Так кричали товарищи Мухи, а он, схватив на руки свою паню, приподнял ее кверху, а казаки целовали ноги ее...

Никто из казаков, живущих на хуторе, не знал, что происходило в хате Андрея. Он нанял ее собственно для себя с братом и потому мог свободно, но своей воле угостить товарищей своих и свободно говорить с ними, не опасаясь.

чтобы кто подслушал или подглядел за ними.

Начались расспросы, что происходило в Киеве по уходе их; как пани Софья знатно одурила яснейшего пана воеводу и сбила его с панталыку, заставив его посылать погоню черт знает куда и черт знает за кем. Как потом уже он, Муха, по всегдашней привязанности своей к бывшему панычу Квитке, сплел свою басню и, готовую потоню удержав, вызвался сам ехать и обещался непременно схватить беглецов и представить их воеводе.

— Вот для этого случая, государь мой любезный! — так пересказывал Муха. — Я выбрать выбрал самых моих вернейших приятелей. Мы все пятеро были как пять пальцев на руке. Вы, панычу... или, извините, пане... вы их и не знали, но по прошению моему у вас замолвить замовляли иногда слово у пани воеводовой. Нехай над ней земля пером!.. а та, как имела власть и силу над их ясновельможностию, так и выкрутить выкручивали из беды. Вот с того часу они стать стали вам вернейшими слугами и с радостию собраться собрались со мною за вами якобы в погоню.

Пожалуйте же. Вот, как мы выехать-выехали из Киева, то и назначили себе, воротясь всякий себе выбранною дорогою, съехать-съехаться уже назад в Переяславль. Нам крепко

обрыдло умничаные над нами ляхов, и как мы себе бессемейные, то мы и положили искать места, где будет нам лучше: коли наехать-наедем вас, то с вами хоть в самую Москву; а не встретим вас, остаться, где бог приведет, у москалей. И так-то послать-пославши за глаза ясновельможному пану воеводе киевскому, от каждого из нас по крученой

дуле, пуститься-пустились в свой путь.

Съехавшись в Переяславле и не отыскавши следов ваших, мы пуститься-пустились такою же хитростию, всегда назначая собираться в полковом городе. Собираться-собирались, но про вас нигде ничего слышать не слыхали. Мудро вы замотали свой след. В Ромне мы сошлись с знакомым парнем, также пустившимся из Киева на божий свет и на вольную свободу. Мы будто ничего не знаем, да и выспросили все, что нам нужно.

- Знаете ли, господа мои любезные, что там случитьсяслучилось. Пан воевода взять-взял себе другую жену, а про вас, пани, сказать-сказал: «Кеды затопила свою глову за москалем, нех пропада; бендзе мець з млодою коханкою леп-

ших цурок, неж она была».

Тут мы уже пойтить-пошли свободнее. Нигде о вас не слышали, да вот в ближнем хуторе что-то нам помаячить-помаячило, как будто что-то сдавалося на вас. Как вот и дал нам бог вас найтить-найти.

Угостив, сколько мог, Андрей гостей своих, все однако ж признал нужным брать все предосторожности; для этого он распорядился, чтобы каждый из пришедших расположился бы зимовать в особом сотенном селении, все по пути в Ромен; и чтобы каждый, заметив что опасное для них, давал бы знать близживущему товарищу; и таким образом о всякой опасности Андрей был бы извещен заблаговременно и успевал бы брать все предосторожности.

Но все их распоряжения были напрасны. Андрей с женою провели зиму весьма покойно; а чуть лишь вскрылась весна и устроились переправы чрез большие реки, они пустились в дальнейший путь на Белгород. Муха с товарищами, запасшись добрыми конями и надежными пистолями, препровождали повозку, в которой ехала их молодая пани. По причине ее положения переезды были невелики. Все шло благо-

получно.

Уже караван наш, впрочем, всегда удалявшийся от больших дорог и значущих селений, переправился чрез реку Ворсклу, как путемественники начали замечать, что их преследуют и наблюдают за ними. Вчера и сегодня один и тот же человек нагонит их, присматривается к ним, поскачет вперед, взъедет на курган, выглядывает кого-то и скроется; немного времени спустя опять покажется и все то же да то же. Немедленно составлен был совет. Мася и слышать не

хотела, чтобы преследовать соглядатая; ужасалась также, если нападут на них и должно будет ее Андрею защищать ее и себя. В такой крайности решились, оставя все дороги, ехать прямо, по догадкам, где должен находиться Белгород или другой какой из вновь построенных по линии городов, о чем они все знали от бывших на новой линии людей. Для большего удобства к достижению цели ехать ночью, по звездам, а днем скрываться в лесах. Муха взялся быть вожатым. Призвав бога в помощь, пустились в путь по такой необыкновенной дороге.

Они большею частию все шли пешком, ведя в руках коней своих; одна Мася, от возрастающей слабости в ее положении, ехала на телеге, но лишь путь становился хоть мало беспокоен, муж брал ее на руки и нес со всею осторожностию, пока встречалось ровное место; проходимые ими места были вовсе необитаемы; степь, леса, реки, пески, попадавшиеся на пути озера, болота, иногда темная ночь — все это затрудняло путь их и не дозволяло им утешиться мыслию, что

они скоро найдут жилище.

В один день, и именно 24 июня, в праздник рождества крестителя, караван наш к утру, переправясь чрез речку, расположился отдыхать в тенистой березовой роще, окруженной дикими черешневыми, вишневыми садами; впереди, к востоку, шла ровная степь, направо, за рекою, густой сосновый бор, место дикое, едва ли когда проходимое человеком, но положением своим и окружными видами манящее к отдыху; тут Мася, придя в совершенную слабость и изнеможение, решительно объявила Андрею, что она далее не может ехать и располагает, что бы ни случилось с нею, здесь ожидать решения своей участи.

Встревоженный Андрей немедленно приступил к распоряжению. В тот же день наскоро сплели из ветвей шалаш (первое поселение), покрыв его листьями, травой, вблизи найденным камышом, и в нем поместили слабую Масю. Потом Муха с тремя товарищами ускакали на конях вперед в разные стороны с тем, что если кто из них найдет какое селение и не в дальнем расстоянии, туда на руках перенести Масю; но если селение будет отдаленно и Масю доставить туда к вечеру будет невозможно, то из селения пригласить женщину, необходимую в таком случае и хотя бы уже сколько-нибудь понимающую дело, для коего она будет призвана, и поспешнее привести ее к страждущей.

К вечеру из посланных никто не возвратился, но и Мася казалась так покойна, что Андрей, успокоясь духом, ходил в окрестностях этой рощи, любовался местоположением, отыскал две реки, кои, соединясь вместе, составляли одну, протекавшую близ того места, где они основали временное свое пребывание. Как же еще и утром посланные не возвраща-

лись, то Андрей удостоверился, что вблизи нет никакого селения, а потому по причине Масиного положения они должны будут остаться здесь на несколько дней... К удивлению своему, он нашел, что эта мысль не огорчила его; напротив, ему казалось, что если бы он и должен был когда-либо оставить это место, то ему было бы грустно...

На другое утро он был погружен в размышления о чем-то и все ходил в окрестности. Положение Маси его не тревожило; она была покойна, бодра и до того крепка, что без всякого отягощения готовила сама обед из рыбы, которую наловить в ближней реке умудрился оставшийся спутник их.

— О чем ты так задумываешься, мой милый Квитка? — спросила Мася, ласкаясь к мужу. — Все ходищь один и все рассматриваешь по сторонам. Здесь мы в совершенной безопасности. Если тревожишься обо мне, то напрасно: я уже так отдохнула и укрепилась, что если бы воротился Муха с товарищами, то я могла бы пуститься в дальнейший путь. Однако скажу тебе... если бы не мое положение, я бы не вышла отсюда; так хорошо здесь.

Андрей поцеловал жену и сказал: — Как ты утешила меня, неоцененная Маничка!.. Дал бы бог возвратиться товари-

щам с чем нужно, тут я что-то вам предложу.

Поздно к вечеру из посланных прежде всех воротился Муха. Ему посчастливилось как-то напасть на городок, т. е. на большое пространство, обнесенное частоколом, с неглубоким рвом, выстроенный еще при царе Иоанне Васильевиче, для наблюдения за движениями татар, иногда внезапно нападавших на пограничные города России. Городок этот был при реке Донце, назывался Чугуев, и в нем обитали несколько стрельцов и дворян низшей степени; так называемых «боярских детей», с семействами. Они, прослужа здесь уреченное для них время и дождавшись смены, возвращались на прежнее жилище в Москву.

В Чугуеве Муха был принят радушно, и лишь объявил, кто он, что и для чего нужно ему, как тут же одна из жен стрелецких предложила свои услуги и вызвалась ехать для помощи больной. Рассказала о многочисленной и всегда удачной практике своей, что она и по Москве между своими славилась ловкостию, умением, а больше счастием в этом деле. Сборы были недолги. Федосья Кузьминична, так звали акущерку, пригласила с собою «для потехи барыни» девушку, дочь одного «из боярских детей», и, забрав что нужно было по ее ремеслу, покатила с Мухой, припеваючи и балагуря во

всю дорогу.

Не с одною Федосьею Кузьминичною в Чугуеве познакомился наш Муха. Он нашел там священника, условился с ним, как поступать, когда бог пошлет радость пану Квитке; приговорил ехать с собою одного промышленника взглянуть на их кочевье, рассчитать, что нужно для вновь прибывших. Что значит для русского промышленника каких-нибудь тридцать верст расстояния, хотя бы и дикою, непроходимою степью? И вот он на тройке лихих коней следовал за Му-

хою, везя на всякий случай кое-чего из съестного.

Приезд Мухи с кем нужно было оживил Андрея, а возвращение утром и других посыланных совершенно успокоило его. Товарищи Мухи не так были счастливы, как он. Хотя они и находили людей, но это были или пикеты чугуевской команды, или какие-либо блуждающие в степи люди, имеющие свои занятия, свой промысел, и с которыми посланные не нашли за нужное сближаться.

Кузьминична без дальних церемоний прямо отнеслась к

Масе, заласкала, заговорила ее.

— Эка, наливное мое яблочко! — так начала она...— Стосковалось, сгрустнулось тебе. Не бойся, не робей. Приехала Федосья, да еще Кузьминична, она поворотит делом. Поотдохни после дальней пути-дорожки, погуляй в таком приволье. Я с своими сказками да с прибаутками, а Настя с стряпнею да с услугою, да мы не дадим молодой боярыне и соскучить-та. Пусть твой молодец, что, видишь, гоголем ходит, что отбил у панского туза такую кралю, а и сам, что твой маков цвет, пусть он ходит здесь по лесам да настреливает нам к празднику дичи, а мы затем ему и положим махонького казачонка на руки, что твой херувимчик. А ты, пан, поворачивайся у меня быстро. Живешь здесь на воеводстве, а гляжу, у тебя ни кола ни двора, а опричь всего хозяйственного многое и мне нужно. Давай мне своих чубов в команду.

Я закомандую по-бабыи, и у меня все родится вдруг.

И в самом деле, у нее закипело дело. Смастерила покойный для Маси шалаш с сенцами, защитила его от ветра и непогоды, устроила кухню и все, что нужно было для маленького поселения. Приехавшая с Кузьминичною девушка стряпала и прислуживала Масе, Муха с товарищами ловил рыбу. Андрей не отходил от жены и вместе с нею не видал, как проходило время, слушая рассказы Кузьминичны про Москву, про все бедствия, какие терпели там при самозванцах, при боярщине без царя и как господь послал благодать свою на русскую землю, вручив ее царю Миханлу Федоровичу. Как теперь все спокойны, как блаженствуют! Как и она сама поживала в Москве, по какому случаю заехала на край света; какие страсти терпят они от татар... и не говори отъехать от города Чугуева ни за две версты! неравен час набежит татарва, гикнут, аркан на шею, очнешься либо в татарщине. либо ближе, на том свете. Все-эти рассказы, доселе не слыханные нашими супругами, не имевшими никакого понятия о Москве, очень много занимали их, а пуще радовало Андрея, что царь московский справедлив, милостив и жалостлив к народу.

В день св. апостола Петра и Павла Андрей поговорил с своею Масею, призвал к себе Муху и товарищей его, благодарил их за все усердие, ему и жене его оказываемое, и за верность, с какою они служили ему до сего часа. Разрешил их от данной ими клятвы и предоставлял им на волю идти, кто куда хочет. «Вы люди молодые, — говорил он, — вам надобно жить, принскать средства, как и чем жить. Не хотите бедствовать под игом ляхов? Идите к Москве; теперь уже дорога известна. Царь московский по сердцу божию народ свой милует, и он приймет вас под свою милостивую руку, и вы по желанию вашему поступите в число детей его. Не думайте, как оставить меня. Я и Мася решились остаться здесь, что ни устроит бог с нами. Зачем теперь мне в Москву? Что скажу я о себе, если бы и удостоился видеть царские светлые очи? Я сын боярина московского; какого? не знаю ни имени, ни прозвища его, ни того, когда и по какому случаю оставил он Москву, жив ли он и где находится? Не могут ли по справедливости счесть меня выдумщиком? Крест, что на мне, ничего другого не объясняет, кроме того, что я Андрей, родился тогда-то, а от кого? Никто не объяснит надписи на кресте. Усомнясь в словах моих, везде отринут меня. А если у моего отца, как у боярина, были значительные отчины и поместья и при опале отданы другому, тогда владетели их, опасаясь, чтобы я не стал отыскивать прав своих, пойдут на все: меня как обманщика по их настоянию закабалят в лютые руки... Я, поклявшийся пред богом доставить Масе спокойную и довольную жизнь, буду причиною вечных страданий ее и семейства, коим бог благословляет меня. Каково будет среди собственных бедствий видеть и ее страдания! Итак, обдумав с нею все здраво, призвав бога на помощь, решилися мы навсегда остаться здесь. Что нам знатность рода, богатство, почести? Все суета! Оставляю навек самую мысль разыскивать о моем происхождении. Я вольный казак Андрей Квитка, как назван призревшими меня в сиротстве. Буду жить здесь спокойно, будучи обязан хранить спокойство жены и устраивать благо семейства, - уж какой я слуга моему государю? Наградит меня бог сыновьями, воспитаю их, передам им все чувства мои и преданность к царю, представлю их не как потомков такого-то боярина, а как сыновей вольного человека. Укажу боярам на здешний край, передам им мысли мои, что благого можно устроить здесь, и стану покойно доживать век в этом уголке, куда господь, сохранивший нас доселе от всех бед, привел нас. Скоро благословит меня бог чадом. Отпразднуем в этой пустыне крестины нового поселенца и... распрощаемся!..

— Мудрая ваша речь, добродею! — после долгого размышления сказал Муха, переглянувшись с товарищами. Благое ваше желание бросити-бросить искать неверного, неизвестного, остатися-остаться при известном спокойствии. Бог вас за такую мысль благословити-благословил, он же и устроити-устроит все к вашему и нашему благу. Зачем же вы и куда нас отсылаете? Благодарение богу, исторгнутись-исторгнулись из плена египетского, мучения ляшского пекельного, станем же и мы людьми. Где вы, добродею, там и мы. Мы себе дурни, хотя и дойдем до самой Москвы, а все поумнети-не поумнеем, а коли б еще и глупейшими стать-не стали. Тут, здесь, при тебе, добродею! Как поклялись, так и повек остаться-останемся. Так ли, хлопцы!

— Так, так! — закричала единодушно малочисленная громада и бросилася целовать руки и полы платья до слез

тронутого такою преданностию Андрея.

— Когда ж так,— сказал он,— то и пусть будет так. Дайте мне срок, когда меня бог чем обрадует, тогда я вам и всю

мысль свою скажу. Посоветуемся и положим на мере.

Успокоенный добрым началом своего предприятия и не тревожимый состоянием своей Маси, Андрей с спокойным духом продолжал свои прогулки по окрестностям своего кочевья. С ружьем он проходил лесом, стрелял дичь, любовался местоположениями и только к вечеру по сделанным в лесу

приметам возвращался домой.

Однажды, и именно 5-го июля, от зари он все шел да шел, погруженный в мысли о своем предложении, и нечувствительно прошел верст восемь. Зной палил его, жажда мучила, но он не находил чем освежиться. Пробираясь густым лесом, пришел на край горы. К обрадованию своему, внизу увидел он изобильные источники, бросился туда, утолил жажду, освежился и, изнуренный усталостию, тут же лег и скоро уснул...

Просыпаясь, видит пред собою монаха, с большим вниманием смотрящего на него... Андрей векочил, оправил расстегнутую грудь, подошел с уважением к монаху и сказал:

- Благослови, отче, странника.

Монах, не поднимая руки, кротко, с улыбкою, но дрожащим голосом говорит ему:

меньший не благословит старшего.

Как это, отче святый? — сказал удивленный Андрей.

— Андрей! — вскрикнул монах, подняв руки и дрожа всем телом. — Ты брат мой в мире. Я видел крест на тебе!..

Брат?.. Ты Григорий?.. Брат мой?..

- Брат!..

И долго они более ничего не могли произносить, как это сладостное имя, от самого детства не выходившее из уст их... Обнимания их продолжались долго... потом пошли расспросы, рассказы... Пришли в келью монаха, тут же при источниках кое-как слепленную; хозяин предложил скудную трапезу. Тут Андрей рассказал брату все свои похождения.

Монах в свою очередь рассказал, что когда он жил у тетки, то вдруг неожиданно явился отец их, сказал что-то невестке. Она начала плакать горько и заботиться, где бы укрыть его, но вдруг набежали солдаты, «батюшку схватили и потащили, не знаю куда.— Так рассказывал монах.— Когда солдаты тащили батюшку, то я уцепился за него и хотел, чтобы и меня вместе утащили. Батюшка успел благословить меня... и я его больше не видел уже. Солдаты все кричали на батюшку: «Убийца!..»

Прошло дня два, мы с тетушкою все плакали. Она не смела послать разведать, что делается с батюшкою... Как вдруг набежали солдаты, вырвали меня из рук тетушки и повезли недалеко, в какой-то город, и отдали меня в один дом, где старый господин и все семейство его были в черном платье. На меня только взглянули и, сказав: «Это он?», при-

казали свести в людскую.

Не стану пересказывать тебе, что я вытерпел в этом доме. Никакого присмотра за мною не было; вечно голоден, холоден, почти наг, всегда бос, самое грубое обращение, упреки, брань; а когда начал подрастать, черная тяжелая работа... вот все, что переносил я в этом доме! Были люди, которые иногда, входя в мое положение приголубливали меня, но это было редко и ненадолго. У них в добрый час выспросил я, за что последовало такое гонение на батюшку, продолжающееся даже на род его. Батюшку, где мы жили, любили все вообще и начали убеждать его, чтобы он служил им против Москвы. Батюшка слышать не хотел; однажды среди убеждений один из молодых людей, тут бывших, дозволил себе говорить дерзости о русских, о шаткости их в мнениях, принятии какого-то бродяги за царя и потом гонении на него, избрании в цари, кто первый попадался на глаза, отречении впоследствии от него — и много тому под. Батюшка унимал клеветника; разгорячился в споре; дело дошло у них до поединка, и он убил своего противника, сына знаменитого чиновника. Батюшку преследовали, схватили, заключили в темницу, судили... но он не перенес своего положения. Болезнь изнурила его, и он, бедствуя всю свою жизнь, далеко от отечества, от детей, единою отрадою бывших ему в свете, не зная, какая участь ожидает нас, в тюрьме, в цепях, на голом камне кончил свою страдальческую жизнь!...

— За кончиною его, — продолжал монах, — суд прекратился; решено было все имущество, какое только может остаться, отдать отцу убитого. Ты с Агафоном скрылся, а меня нашли и, как вещь или как собачонку, отдали по приговору. Не могли ничего уже сделать батюшке, и на меня излива-

лось мщение огорченных.

Я был уже лет четырнадцати и не знаю, что располагали со мною сделать, как в один день, вытерпевши жестокие оскорбления от чумичек на кухне, я вышел за ворота и горько плакал. Понимая свое положение и ожидая еще худшего от злобы владеющих мною, я совершенно терялся от отчаяния. Тут проходят два монаха, и, увидев меня, один другому сказал по-русски: «Что за лицо у этого мальчика!»

— Да, отвечал другой, — он как будто не простой.

— Точно не простой, — отвечал я им, стараясь сколько можно чище выразиться по-русски, — страдаю здесь ужасно.

Ты русский? — вскричали оба монаха.

 — Русский, москвитянин и чуть ли еще не сын боярина,— сказал я сквозь слезы.

Каким образом ты очутился эдесь? — спросили они.

И я в коротких словах все пересказал о себе, как страдаю и не имею никакого средства избавиться от мучительного ига.

— Не хочешь ли с нами? Мы тебя свезем в Россию!

Я начал их просить убедительно — и тут же один из них, покрыв меня своею рясою, повел в свою квартиру, и в тот же день мы выехали спокойно. Обо мне не было никакого розыска.

Меня привезли в Коломну, в Голутвин-Богоявленский монастырь. Зачем мне было идти в Москву? Кого там отыскивать и для чего? С первых дней мне понравилась монастырская жизнь, я начал учиться, а пришедши в возраст, обдумав и рассчитав все, вступил в монашество. Я уже не Григорий, а недостойный Онуфрий, принявший имя святого, празднуемого в день, когда возложили на меня монашескую мантию.

Монастырь наш не уединен; житейская молва тяготила меня, и я оставил место моего пострижения. Проходя по России, видел монастыри, но не остался нигде, мие желалось спокойного безмолвия. Намеревался пройти в Киев, наш русский Иерусалим и так же бедствующий под чужою властию. Вышедши из России, шел местами дикими, безлюдными, и как-то всеблагий промысл привел меня на это прекрасное место... «Чего мне более желать?» - подумал я. Сделал себе келью, запасся всем нужным для зимы, отыскал русский городок не в близком расстоянии, там есть святая церковь, туда хожу для питания души словом божиим, а жители снабжают меня необходимым для греховного тела. Возблатодарим же; любезный брат, всеблагого бога за его всеблагий промысл. Неисповедимыми судьбами его, мы, спроты, бескровные, бесприютные, впавшие в руки врагов отца нашего, казалось, должны бы погибнуть, но смотри! как чудесно мы сохранены, приведены во едино место, собраны воеже жити братии вкупе. О коль добро и коль красно! о коль неисповедим господь в милосердии к нам, всегда токмо прогневляющим его! О господи!»

И он пал на колена, молился со всею горячностию... Андрей с такими же чувствами молился и благодарил бога, так чудесно соединившего его с братом... Теперь он не в пустыне, ничего ему более недостает; все, драгоценное ему в мире, все с ним. Чего ж еще ему искать?

Окончив молитву и укрепясь пищею, отец Онуфрий пожелал проводить брата до места его кочевья, узнать жену его

и благословить ее, - и они отправились.

На пути Андрей рассказал о намерении своем остаться здесь навсегда и о своих дальнейших предложениях. О[тец] Онуфрий все одобрял и молил бога о благополучном устрое-

нии всего задуманного.

К вечеру пришли они к обиталищу Андрея. Кузьминична первая встретила их; радость и удовольствие на лице ее. «Эх ты, горе-охотник наш! — первые слова ее были, увидевши Андрея.— Ну, чем похвалишься? Что заполевал? А мы вот и бабы тут, да посмотри-тка, какого молодца изловили! Иди-ка, иди скорее, полюбуйся».

- Как?.. что такое?.. - едва мог спросить смущенный Ан-

дрей.

— Да не что такое, — тараторила Кузьминична, — а прямо красавчик, весь в батюшку, матушкины глазки да усмешеч-ка...

— Да что такое? расскажи мне толком, -- спрашивал дро-

жащий Андрей.

— К чему толковать, слова тратить. Иди да поблагослови сынка-молодца, что бог тебе сего дня ровно в полдень даровал,— говорила Кузьминична, но Андрей уже был у постели Масиной, обнимал ее, довольную, радостную и спокойную... Слезы мешали им сказать что-либо друг другу, но эти слезы были дар божий, слезы радости, хваления и благодарения подателю всех благ.

Успокоившись, Андрей принял на руки первенца своего, расцеловал и опять обратился к Масе, рассказал ей о чудесной встрече с братом, уже монахом. Мася пожелала видеть его.

Отец Онуфрий, благословивши жену брата и новорожденного, сказал:

- Дивен в делах своих господь бог! Надобно же нам было сойтись и именно в этот день и принять от бога дар, тебе, любезный брат, посылаемый. Сегодня, 5 июля, церковь празднует св. Афанасия; по крестам, у нас имевшимся, должно полагать, что родителя нашего звали Афанасием. В день ангела его бог нас, разлученных в детстве, соединил в необитаемой пустыне и послал нам этого ангела. Сохраним же в нем имя святого, соединившего нас, которое, вероятно, носил и отец наш.
- Во имя бога, великого и милосердного! воскликнул Андрей, подняв вверх младенца. Первенец мой, дарованный мне в избранной мною пустыне, да будет Афанасий

Квитка! Ему, а чрез него и всему роду заповедаю никогда и нигде не отыскивать прав родителя моего. Батюшка! Призри, благослови нас и молись за нас!..

Братья и Мася обнялись и, расцеловав новопришедшего в мир, занялись беседою, сколько позволило состояние Маси.

На другой день Муха «поспешить-поспешил» в Чугуев и скоро привез оттуда священника с требами для совершения крещения. О[тец] Онуфрий был восприемным отцом Афанасию Квитке.

Когда здоровье Маси дозволило, Федосья Кузьминична, наговорив тьму желаний, отвезена была в Чугуев; Настя же, полюбив Масю, вызвалась остаться при ней для прислуги.

Призвав Муху и двух из его товарищей, Андрей предложил им ехать в Украину, за Днепр, в свои места, «и если уже, — так говорил он, — ваше желание непременно поселиться в этой пустыне с нами, то пригласите кого из земляков своих переселиться сюда. Страдания от ляхов и жидов невыносимы, утеснения за веру нестерпимы! До коих пор все это переносить? Пока казаки соберутся и явно отложатся от Польши, как вы и я слышали о всеобщем желании их, то много горя достанется претерпеть! Кто хочет спокойствия, пусть смело идет сюда. Здесь поселимся, здесь обзаведемся всем. Земля обетованная, край блаженный! Свободно будет нам молиться своему богу. Царь православный приимет нас под свою сильную руку, и мы счастливо будем жить здесь. Успеют ли наши земляки (я говорю — наши, потому что явзрос и стал человеком между вами), успеют ли они в своем задуманном благом предприятии? Боже их благослови возвратиться в недра родной своей матери; а мы в воле и спокойствии наживемся».

— А дадут ли нам татары свободно жить? — сказал один

из отряжаемых.

— Мы поселимся в стороне от того пути, по которому они пускаются на русские селения. Притом же будем жить скрытно, близ этих лесов. При малейшей тревоге мы со всем нашим имуществом скроемся в леса. Не успев с первого разаничем у нас поживиться, они оставят преследовать нас. Если же бог пошлет на мысль значительному числу поселиться с нами, тогда устроим себе острожок и будем в нем отсиживаться и отстреливаться. Татарва не любит этого, и оставит нас в покое.

Дав еще полнейшие наставления, как им действовать и чем убеждать земляков своих к переселению, Андрей отпустил Муху с товарищами в путь, а о. Онуфрий напутствовал их молитвою о успехе в благом предначинании.

В ожидании исполнения задуманного предприятия поселенцы наши жили спокойно и не теряли времени к устройству для будущего. Андрей и два оставшиеся с ним казака, до-

став в Чугуеве необходимые инструменты, приступили к постройке избы, все в той же березовой роще, где основан был и первый шалаш. Мася, здоровая, веселая, живая, восхищенная тем, что мысль ее об основании всегдашнего жилища в таком приятном, свободном, далеком от светского шума ме-сте осуществляется, неотлучна была от мастера при строении, своего Андрея милого Квитки; тут же сидя и работая свое, занимала его то песенками, то шутками и всячески ободряла его в трудах. Маленький поселенец покоился близ нее; но плутишка, чтоб угодить матери и выиграть себе чтонибудь, по временам не плакал, а, как будто шутя, пищал -, и тут Андрей, оставя зарубливать угол, кинет топор и очутится близ малютки вместе с Масею. Дитя зацелуют да и сами начнут миловаться, пока-то вспомнят об оставленной работе. Настя со всем усердием исправляла все по хозяйству. Нередко о. Онуфрий навещал их и по несколько дней проводил с ними, то беседуя, то так же с топором трудясь около бревна. Знакомый им Чугуев доставлял все необходимое. Федосья Кузьминична находила случай навещать своего «внучка-красавца» и балагурством своим да присказками доставляла большое удовольствие нашим поселенцам.

Кончилось лето, осень уже началась, как вот явился Муха с товарищами, а за ними... целый транспорт переселенцев с семействами, имуществом, скотом. Рассказы Мухи в Украине приняты в уважение, и несколько семейств из разоренного, утесненного города Черкассы, в Украине, из-за Киева верст 250, решились избегнуть гнетущего их ига и испытать счастья на вольной земле. С радостью встретил их Андрей, но тут же предложил им из опасения, чтобы не обратить внимания на себя иногда могущих рыскать по сим местам татар, селиться не всем вместе, а порознь, «хуторами», на удобных местах. Семейства два осталось в том месте, где основался прежде Квитка, а прочие расположились почти посемейно, где кому нравилось. Общими однако же трудами выстроены для всех избы, вспахано и засеяно в озимь поле, сколько можно было снято сена для приведенного скота и так положено было, чтобы и на будущее время все работы производить вместе и выручкою разделяться посемейно. Муха, от всех прозванный «проворный, как Муха», каждому семейству выбирал в окружности места для поселений, давал полезные советы каждому и был у Андрея, главного всем распорядителя, как бы управляющий: наблюдал, осматривал и приводил в порядок все его распоряжения.

Одной только Масе привез Муха огорчение и печаль. Отец ее, яснейший воевода киевский, попавшись в руки ветренной женщины, второй жены своей, слушал ее во всем, запутался в делах своих, сменен и в маетностях своих, не допив бочки ковенского меда и столетнего венгерского, умер; имением

завладела жена в пользу прижитых с нею детей. Мася поплакала, но... с нею Андрей, сын... пусть будет, как будет. «В них мое отечество, мое богатство!» — сказала и обратилась к занятиям своим.

Хата для Андрея, с номощию пришедших переселенцев, отделана была отлично. Поселившиеся на этой Основе, выстроили также и себе для житья чрез зиму, что успели. Муха в особенности занимался устройством одной землянки. Андрей заметил это и спросил, не для себя ли он это готовит?

— Для казана не нужно бы никакого приюта, хоть бы и на зиму,— сказал Муха твердо, но уже продолжал с запин-кою.— Но как всякий человек любити-любит двойственность,

то и я...- и замолк.

— А! не женяться ли хочешь? — спросил Андрей. — Во святой час, умножай наше новое поселение. У кого в семье выбрал?

Переселенцы прибыли со своими семействами. У некоторых

были взрослые дочери.

— Не у кого же в семье, как не у вас, добродею!

- Как это?

— Хочется мне совершенно обмоскалиться. Для такого случая пригодна жинка. Благословити-благословите и дозволити-подозвольте с вашей Настею любовь возыметь и в брак законный вступити-вступить.

Очень рад. Согласна ди она?

 Боже мой, как согласна! Она щиро меня любити-любит и охотно идти-идет за меня.

Недолго собиралися к свадьбе. Съездили в Чугуев за согласием родителей Настиных, привезли их, и новонаселяющий-

ся край огласился веседыми свадебными песнями.

Зимою Муха, по приказанию Андрея, должен был оставить молодую жену и снова отправиться в Украину для приглашения переселенцев в новый край. С ним поехали некоторые из пришедших осенью для удостоверения о всех выгодах, какие найдут они в дикой и всем изобилующей степи.

С открытием весны Муха возвратился с многими из переселенцев. Некоторые из них, не доходя до Основы, нового поселения, куда призывал их Муха для совета, найдя великие удобства, избрали себе места по рекам Псле, Ворскле и далее в степь и селились уже большими хуторами. Дошедшие с Мухою до Основы поселения, по совету Андрея, начали отыскивать места и селиться также значительными хуторами поближе к границе русской, по реке Донцу.

С транспортом Мухи, избегая гонений и утеснений за веру, прибыли в новый край три монаха. О[тец] Онуфрий принялих с душевною радостию. По распоряжению Андрея, в пустыне на источниках сооружена часовня во имя св. Онуфрия,

и иноки положили основание обители.

По усердию своему Мася пожелала тут же, на Основе, выстроить часовню во имя рождества предтечи, в память того дня, в который они прибыли сюда. «Хочу,— сказала она, принеся первую в этой часовне молитву,— при жизни своей устроить храм во имя сего великого святого; но если бог меня не удостоит того, то заповедую и приказываю сыну и роду своему непременно на этом месте устроить храм рождества св. предтечи в память нашего водворения

здесь».

Годы шли, шли и поселенцы в новый край. По всей Украине, по всем местам угнетаемы были русские, народ нравославный принуждаем был принять унию, и для этого дана была воля жидам взять на откуп храмы божии. Жаждушие божественного слова, совершения бескровной жертвы должны были заплатить за позволение совершать службу в церкви. Нужно крестить младенца, напутствовать старца и немощного при отходе в вечность, предать земле усопшего, какую бы то ни было требу христианскую исполнить, церковь отпереть, хотя бы только для прибора, - за все должно было платить жиду, откупившему у польского начальства право утеснять христиан, коим от католиков другого не было имени, как «шизматики». Все гонения за веру, утеснения в гражданском управлении, тягость от непомерных налогов, все это волновало умы русских на Украине. Отложение от польского ига готовилось, но еще не настало время: располагавшие великим делом встречали затруднения; простой же народ, помещики, не участвовавшие в заговоре, не знали, что приготовляется патриотами для общего спасения; при первой разнесшейся в их крае молве об удобности к жизни в новонаселяющемся крае, в диких местах, -- можно жить привольно, молиться свободно своему богу и зависеть от одного своего законного царя и, одним словом, как были в прежнее время, так опять стать настоящими русскими, - двинулись из-за Днепра и наиболее из поветов, крайне разоренных и угнетенных: Черкасс, Зембора, Корсуня, Чигирина и других.

Ежегодно переходило переселенцев великое множество. Кроме семейств и всего имущества своего, они, чтоб не оставлять святыни на поругание жидам и таким же нехристам ляхам, забирали самые церкви и, уложив благолепно святыню, все везли с собою. Некоторые, по привязанности к роду прежних своих владельцев, детей их, находившихся в сиротстве, чтобы не подпали ляхскому игу, забирали также с собою и призирали их уже и на месте. Вся Украина поднималась искать слободы, перейти на слободные места, где уже есть Основа новому поселению. Все шли к Основе, разумея то место, где прежде поселился Андрей Квитка, и некоторые в окружностях, а другие, не доходя до того места или проходя по свободе в стороны, избирали себе, как сказано, любые и

выгодные места селилися слободно (свобода, свободно), и

хутора их звалися оттого слободами.

До того поселения край сей был безмолвною степью. Одни звери гуляли по полям, проживали в лесах да ватаги татарской орды проносились без пути и дороги куда зря, лишь бы добраться до русских селений, городков по белогородской черте, вновь тогда устраиваемой, захватить скот, разорить селение, живьем забрать годных им людей, а ненужных приколоть... Гуляли себе, мошенники, как дома, а подчас, да при силе, пробирались и гораздо за черту, тревожили, разоряли русские городки и селения, вовсе не чаявшие такой беды. От удач избаловались, наконец, до того, что подумывали обзавестись своим хозяйством, присоседиться поближе к России, затем, знаете, чтобы недалеко было уводить добычу, а при неудаче и урывать без оглядки от погони русских. Уже на р. Донце известный «Гузун-Курган» (у коего ныне город "Изюм, Харьковской губернии), а на р. Ворскле «Белый Бор» (Ахтырка, город той же губернии) укрепили по-своему и проживали в них покойно; не переставая делать оттуда набеги, уводили в свои укрепления, что попадало под руку. Матушке нашей России тогда не до того было. Самозванцы, ляхи, свои недруги занимали ее, сердечную, и тревожили много и не давали времени все обдумать и устроить. Уже царствовал благодатный Михаил, но много требовалось деятельности на приведение в порядок внутри государства всех частей и обеспечение его извне от важнейших врагов; так об этой дряни, каковы татары, не время еще было заботиться. Дошла бы очередь и к ним, но бог помог, и дело, сперва помаленьку шедшее, принесло великую пользу.

Рыскающие татары заметили незваных гостей, поселяющихся на земле, которую они почитали своею собственностию. Давай их тормошить, тревожить, разорять... но слобожане (так называвшиеся от свободы в поселении) не оплошали. Узнав неисчислимые выгоды от обладания привольным краем, не думая тешить татар и убраться с заселяющегося края, они решились проучить их по-своему. Для этого надобно было укрепляться острожками, обносить валом, запасаться оружием. О такой необходимости прослышивали в Украине и не раздумывали переселяться, но уже набирали с собою годного оружия. Кроме ручного, помещики забирали имевшиеся у них издревле при домах пушки, снабжали ими вновь устроенные городки и подчас порядочно проучивали татар. Не без того. что и татары, нападая врасплох, разоряли недавно обзаведенные селения, жителей умерщвляли, отводили в плен; но вновь приходящие селились на тех же пепелищах и придумывали все к своей обороне от врага. Невозможно было без оружия выйти за селение. Татары неожиданно, словно из земли, являлись и увлекали с собою попадавшихся, если они не

имели, чем оборониться. Работы в поле производились во множесте: управляющий плугом имел саблю у бока, рушницу (ружье) за спиною. В местах ближе к основе поселения и от нее к востоку и полудню, как подверженным большим беспокойствам от татар, самопроизвольно составилось казачество, т. е. составились небольшие конные партии, обязанные при малейшей где-либо тревоге со всех селений являться на

Так все шло год от года далее. До Андрея доходили утешающие его слухи, что край, им избранный, несмотря на беспокойства татар, более и более люднеет. От 1643 года, в который поселения во всем крае значительно умножились, так названное по протекающей реке поселение «Сумы» уже имело вид порядочного города как по укреплению, так и по населению. Ахтырка, из прежнего татарского укрепления, опустевшая и считавшаяся в польском владении, возобновлена укреплением и по многолюдству начала почитаться городом с 1645 года. Невольно весь край начинал делиться на области, видимо, требовалось внутреннего устройства, радились, сове-

Наш же молодец, об основании которого здесь говорится, теперешний папахен или, как тогда называли, «батько» всех городов, еще в то время и не родился. Известна только была река Харьков, вытекающая из России, т. е. из Белогородской провинции, протекающая близ Основы — поселения, места, где поселился первоначально Квитка, и тут же, соединясь с рекою Лопанью, проходила далее сосновым бором и впала в

реку Уды, втекающую в реку Донец.

товались, но не учредили ничего.

По течению реки Харькова Андрей часто ходил на охоту и обозревал новопоселяющиеся слободы. Проходя вниз по течению ее, нашел маленький хуторок на месте, удобном для жизни, а у живущих огороды, сады фруктовых дерев и колодезь хорошей воды 1. Он любовался удобством места для жизни, прошел далее на возвышенность, и в нем родилась мысль, для приведения которой в действие он всем вновь прибывающим поселенцам, всегда первоначально являвшимся к нему как «осадчему» за советом, где выгоднее поселиться, начал предлагать селиться на хуторе Харьковском и вверх по возвышению. Население скоро умножилось, нужно было подумать о укреплении места, устроении города. Место, по совету с поселившимся тут же шляхетством, найдено удобным; на горе с обеих сторон проходили реки: Харьков и . Лопань, за последнею, к высокой горе, называемой уже Холодною, были озера, болота, топи, наконец, дикие сады, соединяющиеся с непроходимыми лесами; за рекою Харьковом также сады, рощи и луговые места; в третью сторону (что

что ныне известен под именем Белогородский.

ныне называется подол) большие болота, поросшие густым высоким камышом.

Приступлено к построению города и к сооружению храма божия, подобно как и в других городах и значительных селениях. Поселенцы упросили о. Онуфрия отправиться с выборными от общества к черниговскому владыке просить его молитв и благословения в благом начинании и отряжении от себя духовного лица для освящения города и храма гослодня в нем и в других селениях, имеющих в том нуждуравно и о приглашении духовных лиц для занятия мест свяч

щенников при новоустроенных церквах.

Посольство отправилось, благополучно прибыло в Чернигов, и со вниманием выслушана преосвященным просьба новых поселенцев. Отрядив именитое духовное лицо с уполномочием освятить все вновь устроенные храмы, снабдив должною для того святынею, согласив овященников занять места пастырей новособранного стада Христова, преосвященный при отпуске посольства благословил и вручил им подлинный чудотворный образ пресвятыя богородицы, Елецкою именуемый, и сказал при том: «Благая заступница да путеводствует вас в избранное место для славы божией, да благопоспешит в исполнении желания делателей благого предприятия и благодатию своею, да не отступит никогда от места, избранного для хвалы святого имени ея. Но да помнит каждый граждании новостроящегося града, что в благочестии жителей зиждутся грады, устами же нечестиво живущих раскопаются».

С должным благоговением жители предполагаемого города встретили образ благодатной, покровительству которой вручили себя и новый город. Встреча была на Холодной горе, и оттуда духовенство в облачении, с пением, свечами и кадилами несло [образ] в предполагаемый город. На непроходимых местах устроены были мостики и безопасные переходы. По принесении св. образа в город внесен он был в церковь, наскоро выстроенную и за недостатком способов весьма незначительно убранную. Любящими благолепие храмов принсканы были колокола, больший из них был пудов в пять. Приступили к приготовлению заложения города и освя-

щения в нем храма божия.

В вечер 14 августа 1646 года в диком, безлюдном, необитаемом до того месте раздался первый звон колокола, призывающий хотя и не во многом еще числе поселившихся граждан к славословию имени божия и заступницы всех уповающих на помощь ее. Всенощное бдение совершено.

В самый же день праздника успения пресвятые богородицы, во имя коего сооружена и церковь, освящен был храм.

¹ Что ныне Екатеринославская улица,

совершена в нем бескровная жертва, и потом с возможным месту и обстоятельствам благолением выступила из храма духовная процессия. По чиноположению церковному на всех местах, где предполагалось быть городским воротам и башням, приносимы были установленные молитвы с окропленцем св. водою и осенением образом той, в руце которой поручаем был град. Усердиые граждане в восторге душевном, чтоб явить свою радость, при всяком торжественном действии стреляли из ружей, палили из пушек, привезенных с собою шляхетством фамилии Ковалевских, Земборских и других.

Город в молитвословии наименован был «Харьковом». До сего было совещание, как наименовать город. И общее мнение основалось назвать его по реке, мимо его протекающей. «Река течет из России,— говорил Квитка, а с ним согласились и все.— Пусть и по имени известно будет, что мы коренные русские, подданные православного и преславного царя мо-

сковского».

По окончании пиров, необходимых при таком необыкновенном событии, принялись за укрепление города. Вот его тогдашняя величина и обширность. Первые ворога были, где ныне въезжают к университету; другие там, где дом и лавки купца С. Ф. Карпова; третьи — где сапожный ряд; четвертые, на случай обложения города — тайный ход к р. Лопани, спуск между присутственными местами и лавками Карпова. Прочее все было обнесено рвами, дубовым частоколом, кое-где стояли пушки, о коих уже сказано выше.

Так рассказывали старики

Вот вам весь тогдашний Харьков. Что если бы встал кто из бывших при заложении его? Узнал ли бы место, где были домики первоклассных тогда жителей?.. То-то же. И вот исполняется только двести лет от первоначального его основания... Пожалуйста, любезные земляки, 15 августа 1846 года погуляем знатно в память двухсотлетия нашего Харьковамолодца.

Далее рассказывать здесь не место. Предположено сказать об основании Харькова, а не историю его написать, и вот дело кончено. Разве объяснить несколько последствий, поясняющих сказанное выще.

По совершении духовного обряда жители нового города в изъявление благочестия своего к благодатной покровительнице своей начали делать приношения для украшения св. образа ее. Первый Андрей поверг свой крест, данный ему при крещении, чтобы у потомства его истребить всякое рассуждение о происхождении своем, и предназначил его на венец образа божия матери. Духовенство, прибывшее из Чернигова, освятив везде церкви, устроенные в слободах, располагало

отправиться обратно, с св. образом; но осеннее время, беспокойства от усиливающихся татарских шаек и смуты в Малороссии заставили их святыню оставить в Харькове, а сами, переодевшись в простых людей, отправились в Чернигов с предположением в благоприятное время прислать за образом с приличным препровождением и охранением; но беспокойства в Малороссии, перемена владыки черниговского, тогдашние власти откладали все далее и далее, а, наконец, образ заступницы остался навсегда в Харькове и осеняет его своим покровом.

Отец Онуфрий имел душевное утешение устроить в своей пустыне, на источниках, храм во имя св. Онуфрия и с малочисленною братиею жил уединенно и, окончив благочестивую жизнь, там же и погребен. Обитель его опустела ненадолго. Когда образовались и устроились так названные от слобод «слободские казачьи полки», полковник Харьковского полка, по прозванию «Донец», с полковою старшиною возобновил монастырь и уже на горе основал его и устроил церковь спаса преображения. Церковь же св. Онуфрия, на

источниках, оставалась в своем виде.

Первое поселение Квитки, прозванное первоначально Основою, сохранило свое именование и поныне. Андрей и жена его, по преданию, похоронены там же, близ часовни. Желание Маси устроить храм в березовой роще, где основан первый шалаш для их пребывания, не исполнилось; уже правнук их, харьковский полковник Григорий Семенович Квитка, в 1714 голу соорудил там церковь во имя рождества св. Предтечи. Знаменитая березовая роща красовалась и была любимым гуляньем харьковцев до 19 июня 1789 года. В тот день ужаснейшая буря положила в полчаса все деревья. Песок возобладал сильно и до того, что господскую усадьбу и церковь должно было снести оттуда.

Сын Андрея и Маси, Афанасий Квитка, был полковым судьею в Харьковском слободском полку, и от него пошел род Квиток. Золотая цепь, на которой, может быть, отец Андрея носил гривну, потерянную Агафоном, передавалась из рода в род; при разделении домов делились на части, и у

одного из потомков хранится одна из них.

А татары? Ого! Сначала помаленьку проучивали их, отбивались, потом разбивали их и до того стеснили, что они уже и носа показать сюда не смели. И Гузун-Курган наши слободские казаки удержали за собою, и прошли еще далее, до реки Тора, поселились там, где ныне заштатный город Славянск. А Харьков все цвел да процветал и стал тем молодцом, каким вы его видите.

основание харькова

СТАРИННОЕ ПРЕДАНИЕ

Вперше надруковано в зб.: «Молодик на 1843 рік», ч. 1. Харків, 1843, с. 7—73, з присвятою Валеріану Андрійовичу Квітці (небожу).

Зберігся автограф твору (відділ рукописів Інституту літератури ім. Т. Г. Шевченка АН УРСР, ф. 67, № 76). Автограф чорновий, записаний чорним чорнилом на 16 аркушах іп 4°, зшитих у два зошити. Текст автографа порівняно з текстом першодруку містить незначні відмінності стилістичного характеру: «отличный» замість «отличен», «чисто устанешь» замість «просто устанешь», «это прелесть» замість «чудо» та ін.

«Основание Харькова» дещо відрізняється від інших творів на історичні теми («Головатый», «Гаркуша» та ін.). Покладений в основу твору родинний переказ про походження роду Квіток має мало спільного з дійсними подіями, навіть більше, часто суперечить історичним документам. Проте сильний патріотичний струмінь, вдало окреслені окремі образи, поетизація почуттів героїв приваблювали читачів,

давали підстави для позитивних відгуків тогочасної критики.

Оглядаючи перший випуск альманаху «Молодик», який відкривав твір Квітки-Основ'яненка, В. Г. Бєлінський зазначав: «Пан Основ'яненко, як відомо, володіє незвичайним талантом розповідати різні старовинні перекази мовою легкою і зрозумілою навіть простолюдину...» І далі: «Обіцяєм безодню задоволення тому, кто прочитає до кінця «Старовинний переказ» (Бєлінський В. Г. Твори у 13-ти т., т. VII.

М., 1957, с. 87, 89).
Позитивно характеризував твір Квітки-Основ'яненка і М. О. Некрасов. У рецензії на «Молодик» він писав, що «Основание Харькова»— «найкраща стаття в усьому альманасі. В ній досить цікаво розказано легенду про заснування цього міста і початок фамілії «Квітка», до якої належить сам автор... Повість ця читається з інтересом і приємністю до кінця» (Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, т. ІХ, М.,

1950, c. 112).

Подається за першодруком.

С. 368. Аксельбанты — наплічні шнури на мундирі. С. 371. Гривна — срібна чи золота нашийна прикраса. С. 378. ... правление Иоанна...— йдеться про Івана IV Васильовича (Грозного, 1530—1584), першого російського царя, сина Василія III Івановича. З 1533 р.— великий князь, з 1547— цар і великий князь всієї Русі.

Годунов — Борис Годунов (бл. 1552—1605) — російський цар

(з 1598 р.), з 1577 р.— кравчий, з 1580 р.— боярин.

С. 390. ...ц-арю Михаилу Федоровичу.— Идеться про Михайла Федоровича Романова (1596—1645)— першого російського царя з династії Романових (1613—1645).

С. 396. Треба — богослужебний обряд, який замовлявся з нагоди

хрестин, шлюбу, панахиди тощо.

С. 399. ...народ православный принуждаем был принять унию...— Мова йде про Брестську церковну унію — об'єднання православної церкви України й Білорусії з католицькою церквою, проголошене на церковному соборі у Бресті 1596 р. верхівкою українських і білоруських духовних та світських феодалів, зв'язаних з польськими магнатами. Внаслідок Брестської унії було створено греко-католицьку церкву.

Шизматики — тобто схизматики, від схизма — прийнятого у католицькій і православній церквах терміну для позначення розколів, що відбувались у християнстві протягом середніх віків. Схизматами

католики називали православних.